

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

УДК 1 (091)

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-210-218

Фигура подвижника как антропологический тип в публицистике Н. К. Михайловского

Вязинкин А.Ю.

Тамбовский государственный технический университет
Россия, 392000, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106
E-mail: vyazinkin@yandex.ru

Аннотация. В центре внимания автора – фигура подвижника, антропологический тип «бунтующего человека», предложенный русским мыслителем-народником Николаем Константиновичем Михайловским (1842–1904). В классификации мыслителя подвижники, в отличие от вольницы, представляют собой пассивный социальный протест. В социальной философии Михайловского общественный идеал подчинен антропологическому, а последний построен на основе этицизма. Тип «бунтующего человека» определяется по форме его устремленности к «правде-справедливости». Вольница представляет активный общественно-политический протест, борьбу за социальное равенство или за равенство социальных привилегий, тогда как подвижник осуществляет борьбу за индивидуальность, добровольно исключая себя из общественной системы, он обретает суверенность в автономном существовании. Немаловажный аспект разработки проблемы суверенной личности в публицистике Михайловского составляют религиозные коннотации термина «подвижник». Народническая мысль под религиозной преданностью идеалам подразумевала способность целостной (интегральной) личности не только ставить перед собой цели, но и достигать их. Единство знания и действия, волевое усилие, позволяющее человеку стать субъектом исторического процесса, то есть преобразовывать «сущее» в «должное», – это условие, при котором личность проделывает путь от подчиненности к суверенности.

Ключевые слова: Н.К. Михайловский, русское народничество, суверенная личность, подвижник, социальная философия

Для цитирования: Вязинкин А.Ю. 2022. Фигура подвижника как антропологический тип в публицистике Н. К. Михайловского. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 47 (2): 210–218. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-210-218

The Figure of Podvizhnik as Anthropological Type in the Heritage of N.K. Mikhailovsky

Aleksei Y. Viazinkin

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St, Tambov region 392000, Russia
E-mail: vyazinkin@yandex.ru

Abstract. The focus of the article is on the figure of podvizhnik, anthropological type of "rebellious human", proposed by the Russian thinker Nikolay Konstantinovich Mikhailovsky (1842–1904). In the

classification of thinker podvizhnik, unlike volnitsa, represents passive social protest. In the social philosophy of Mikhailovsky, the social ideal is subordinate to anthropological, and the latter is built on the basis of eticism. The type of "rebellious human" is defined by the form of his desire for "truth-justice". Volnitsa represents active social and political protest, fight for social equality or for equality of social privileges. While the podvizhnik fights for individuality, voluntarily excluding himself from the social system, he gains sovereignty in autonomous existence. An important aspect of the development of the problem of sovereign personality in the works of Mikhailovsky is the religious connotations of the term podvizhnik. Narodnik's thought by "religious devotion" to ideals implied the ability of an integral individual not only to set goals for themselves, but also to achieve them. Unity of knowledge and action, a will effort that allows a person to become a subject of the historical process, that is, to convert "existing" into "due", is a condition under which the person goes from subordination to sovereignty.

Keywords: N.K. Mikhailovsky, Russian Narodnik's, sovereign personality, podvizhnik, social philosophy

For citation: Viazinkin A.Y. 2022. The Figure of Podvizhnik as Anthropological Type in the Heritage of N. K. Mikhailovsky. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(2): 210–218 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-210-218

Введение

Цель нашего историко-философского исследования состоит в анализе предложенной русским мыслителем, социологом и публицистом Николаем Константинович Михайловским (1842–1904) классификации исторических типов «бунтующего человека». В отечественном михайловсковедении редко обращаются к проблеме вольницы и подвижников. Однако в творчестве русского мыслителя разработка этих типов была важным этапом на пути формирования и формулирования антропологического идеала – центральной, на наш взгляд, темы философии Михайловского. Поэтому понимание темы вольницы и подвижников, ее нравственно-религиозного содержания позволит под иным углом зрения взглянуть на философско-антропологическое наследие Михайловского, одного из немногих русских теоретиков XIX в., разрабатывавших проблему суверенной личности. В этом исследовательском векторе и состоит новизна нашего исследования.

В XX столетии проблема суверенной личности приобрела острую актуальность. Эта тема не утратила своей остроты и в начале нашего века. Введение понятий «вольница» и «подвижники» стало логическим продолжением предложенной Михайловским теории борьбы за индивидуальность. Последняя представляет собой попытку естественнонаучного обоснования социально-гуманитарного извода теории освобождения личности, которая являлась основной темой в гуманистической традиции русской философии.

Антропологизм мыслителя и его ориентация на образцы европейской социальной мысли Просвещения предопределили неизбежность разработки им антропологических типов как ступени на пути определения антропологического идеала. Введение Михайловским понятий «вольница» и «подвижники» создало новое, социально-антропологическое измерение теории борьбы за индивидуальность, объясняющей мотивы, характер и форму борьбы личности за свою автономию и достоинство, а также борьбы широких народных масс за права и свободы.

Народническая мысль акцентировала внимание на «бунтовском» начале человеческой личности, на ее способности понять свою и народную несвободу и выработать стратегию своего и народного освобождения. Идея «сочувственного опыта» позволила народнической философии избежать крайностей анархического индивидуализма и нигилизма. А построение социального идеала не мыслилось народниками без идеи сотрудничества, кооперации и фактора взаимопомощи.

Исторические типы «бунтующего человека»

Борьба человека за индивидуальность начинается с волевого противопоставления своего «Я» всему тому, что сужает «формулу жизни» личности. При определенных исторических условиях, в моменты наивысшей социальной напряженности это противопоставление может приобретать экстремальные выражения. Тем не менее, по Михайловскому, борьба ведется не только на баррикадах, она продолжается в повседневной жизни, где личность отвоевывает себе возможности для интеллектуального развития и нравственного совершенствования. Борьба и ее характер определяют фабулу жизни достойной личности: «Людское величие состоит именно в той борьбе, которую человеку приходится вынести на своих плечах» [Михайловский, 1897, стб. 103].

Исторический процесс, по Михайловскому, породил две стратегии освободительной борьбы – стратегию вольницы и стратегию подвижников. В определенные исторические моменты эти типы мятежников поднимают «бурные исторические волны» [Михайловский, 1896а, стб. 648], но в повседневной жизни они проявляются как типы «бунтующего человека», сражающиеся за свою автономию. Неприятие текущего порядка вещей – общий мотив социальной борьбы вольницы и подвижников. И те, и другие противопоставляют себя обществу, свои ценности – ценностям общественным, должное – сущему, и, наконец, «порывают всякие связи с обществом <...> это – отщепенцы, протестанты» [Михайловский, 1906, стб. 596].

Протест вольницы – это социальная революция в активной фазе. Но этот протест – не только и не столько отрицание, сколько требование: «требование всего» [Михайловский, 1896^b, стб. 744]. И в этом «требовании всего» проявляется желание бунтующей личности (восставших масс) превратиться из ничтожной статистической единицы в полноправный субъект истории.

Тип «подвижника, напротив, предполагает «отречение от всего» [там же]. Но подвижник не смиряется с действительностью, а именно скрыто борется с обществом за собственную индивидуальность, обустроивая свою независимую жизнь, оставляя ее вне подчиняющих общественных связей. А.И. Герцен в минуты отчаяния, когда дело революции казалось ему проваленным и загубленным, предлагал формулу подобного подвижнического бунта: «Я не советую браниться с миром, а начать независимую, самобытную жизнь, которая могла бы найти в себе самой спасение даже тогда, когда весь мир, нас окружающий, погиб бы» [Герцен, 1955, с. 131].

Исследователь Э.С. Виленская считала, что в предложенных Михайловским типах отражаются консервативные элементы его социальной идеологии: «Народные массы способны к пассивному и активному протесту, но этот протест стихийен, неуправляем <...> правдоискательство народа направлено не к новым формам общественных организаций, а к "золотому веку" старины» [Виленская, 1979, с. 152]. Однако гораздо ближе к истине Ф.П. Фурман, акцентирующий внимание на том, что одной из важнейших дискурсивных категорий народничества является мифологема «нового человека» («новых людей») [Фурман, 2010, с. 192]. Михайловский только использовал исторический материал с целью более четкого определения типов «бунтующего человека», а также стратегий мятежных групп. Мыслителя в первую очередь интересовала именно перспектива освободительного движения, тот вклад, который эти типы могут внести в строительство справедливого общества будущего: они «напряженно всматриваются в будущее и в нем ищут возможности водворить правду на земле» [Михайловский, 1906, стб. 648].

Таким образом, Михайловский представляет фигуру подвижника как антропологический тип «бунтующего человека», в исторических условиях политической реакции избирающий форму пассивного социального протеста.

При помощи исторических образов вольницы и подвижников, этого неисчерпаемого источника для историков и мыслителей народнического направления, конструировалось

особое понимание народа, под которым «понимали тех, в ком пробудился "дух, несовместимый с рабским состоянием"; у кого существовало свое представление о народной Правде» [Леонтьева, 2011, с. 373]. Эта апелляция к «народной Правде» и составляет народнический колорит в типологии Михайловского. Социальный протест – это только одно из экстремальных выражений народной правды, это то, что включает пробужденные широкие народные массы в событийную историю: «Главный факт в истории есть сам народ, дух народный, творящий историю» [Щапов, 1908, с. XXXI].

По Михайловскому, «правда» должна быть универсальным критерием изучения мира, должна указывать цель деятельности личности и порождать «религиозную преданность» прозелита [Михайловский, 1896^b, стб. 405].

Антропологический идеал целостной личности

Народничество Михайловского проявилось в создании своеобразной антропологической философии жизни. Это философия сущего и должного *par excellence*, в которой идеал имеет наивысшее значение. Идеалом Михайловский признавал некое единство правды-истины и правды-справедливости, то есть мыслитель постулировал цельность правды как таковой. Правда же представляла собой этическую и психологическую суть русской жизни, которая кристаллизуется в свободной и нравственно развитой личности. Михайловский отнюдь не идеализировал общинную крестьянскую жизнь и личность крестьянина. Однако, следуя заветам Герцена, считал, что правда есть продукт именно народной жизни. Таким образом, правда-справедливость, как своего рода идеал, должна быть обретена в процессе изучения именно народного социального бытия, должна быть добыта как эссенция повседневной жизни народных масс. После этого, по замыслу Михайловского, сущее должно было быть приведено к должному волевыми усилиями народнической интеллигенции, деятельного авангарда прогрессивной мысли. Поэтому в конце жизни мыслитель и говорил о необходимости создания некоей «философии быта», в которой возможно единство правды-истины и правды-справедливости, знания и жизни.

Единство знания и действия – один из ключевых тезисов народнической мысли. Это универсальное требование, предъявляемое к интеллигенту и заключающееся в императиве: «не только *думай*, но и *делай* на благо народа». Еще Д.Н. Овсяннико-Куликовский писал о том, что антропологический идеал Михайловского представляет цельные натуры высокого порядка, «у которых мы находим <...> объединение теоретической мысли, нравственных понятий (морали человека и гражданина) и волевых актов (поступков, дела, образа жизни)» [Овсяннико-Куликовский, 1909, с. 213]. Единство мышления и деятельности, знания и действия, теории и практики свойственно высокоразвитой личности, способной воздействовать на социальную реальность (сущее) и преобразовывать ее в направлении идеала (должное).

Х. Арендт, изучавшая проблему суверенной личности в творчестве ведущего теоретика вопроса Ф. Ницше, отмечала, что немецкий философ «отождествил <...> способность и смелость обещать с суверенностью и "чрезвычайной привилегией ответственности"» [Арендт, 2000, с. 325]. Именно это и имел в виду Михайловский, когда предъявлял требования цельности и понимания социальной ответственности к своему нравственному идеалу личности.

Хотя мыслитель подчеркивал, что он человек полемики, а не баррикад, тем не менее он с сочувствием относился к бунтующим вольнице и подвижникам, добывающимся правды-справедливости. В народнической мысли были популярны сюжеты исторических народных восстаний как иллюстрации поиска справедливости, выражения народной правды. Н.И. Костомаров писал о Степане Разине: «Закон, общество, Церковь – все, что связывает личные побуждения человека, все попирала его неустрашимая воля» [Костомаров, 1994, с. 352]. В этом тезисе продемонстрирована суверенность типа «вольница» и ее от-

крытое противопоставление личной воли всем внешним факторам, сужающих «формулу жизни» личности. Подвижник, напротив, ускользает от этих внешних факторов, он вытесняет из себя «закон, общество, Церковь» как чуждые ему авторитеты, а значит, нравственно освобождается.

Когда справедливость оставляет социальную действительность, подвижник удаляется, чтобы сохранить народную правду в неприкосновенности. Этот тип в добровольном изгнании, в уединении сберегает народную правду.

Подвижник как антропологический тип «бунтующего человека»

В конце XIX в., в период упадка активного народничества, одним из массовых проявлений народнического подвижничества стали идейный феномен толстовства и его практическое выражение – толстовские земледельческие колонии. Этот идейный и практический коммуитаризм был попыткой интеллигенции проделать путь от правды-истины просвещения к правде-справедливости народной жизни. Но практика толстовства это не только и не столько протест, сколько желание устроить новую жизнь на основе «правды», сохранив тем самым автономию, в которой реализуемы справедливость и социальный идеал осознанной солидарности. Однако в этом коммуитаризме вместе с протестом утрачивалась и суверенность личности.

Очевидно, что в толстовстве как в упадочническом народничестве проявились неизбежные aberrации. Изучая проблему взаимоотношения интеллигенции и народа, А.М. Эткин ввел авторское понятие «люкримакс» (анаграмма термина «симулякр»), под которым понимает «неутолимую тягу человека элитарной культуры ко всему настоящему, подлинному и первоначальному, а также отрицание им собственной культуры как неподлинной и ненастоящей» [Эткин, 1997, с. 120]. Это очень точное наблюдение вскрывает своего рода фальшь нравственных исканий части интеллигенции, которые на деле оказываются только психологическими, бессознательными нюансами поведения «людей культуры». Михайловский не принял ни учения позднего Л.Н. Толстого, ни самого толстовства. Ему были чужды идея непротivления злу насилем и псевдонароднический миф. Для Михайловского народная жизнь – это не воплощение социального идеала, а исследовательское пространство, которое пока скрывает от социолога, антрополога, мыслителя правду, истину и справедливость в их искомом единстве.

Интересен выбор Михайловским термина для обозначения фигуры пассивного социального протеста. Подвижник – понятие с ярко выраженными религиозными коннотациями, в том числе в традиции святоотеческого православия. Само удаление подвижника от социально несправедливого мира можно рассматривать как своего рода акт аскезы, традиционную практику христианских пустынножителей.

В монографии американского историка Дж. Биллингтона «Михайловский и русское народничество» была высказана идея о религиозном содержании народнической мысли, народничества как культурного явления [Billington, 1958, p. 120]. Исследователь также проводил неоднозначную аналогию между революционерами 1870-х гг. и «христианским братством» [Биллингтон, 2001, с. 510]. Хотя известен опыт народнической пропаганды социализма под видом христианского учения.

Советские исследователи народничества скептически относились к концепции Дж. Биллингтона ввиду отсутствия у исследователя убедительных аргументов в пользу своего истолкования феномена народнической мысли. Тем не менее мы считаем, что тезис американского исследователя вполне соответствует реальному содержанию народничества как культурно-философского явления. В современных исследованиях народнической мысли религиозной составляющей возвращено ее законное место, что позволяет и обогатить представление о характере народнического мировоззрения, и уточнить ряд содержательных аспектов ключевых народнических понятий.

Наиболее очевидной является связь, прослеживаемая через аналогию христианского мученичества и народнического самопожертвования. Эти аналогии вовсе не результат исследовательских обобщений, а исторический факт, отраженный в эго-документах того времени.

Ряд релевантных примеров связи народнических идей с христианской культурной парадигмой приводит в своем исследовании В.М. Фастовский, который в послесловии отмечает, что «религиозная семантика придавала значимость революционной жизни там, где волна насилия, утилитарная логика и процесс модернизации создавали чувство неопределенности и неуверенности в собственных силах и возможностях» [Фастовский, 2018, с. 71]. Д.А. Морозов справедливо подчеркивает, что «веру в народ, аскетизм, самопожертвование и т. п. следует отделять от религиозной сферы» [Морозов, 2016, с. 102], забывая, однако, о том, что народническая мысль имела свое, уникальное толкование феномена религии.

В.В. Блохин определяет мировоззренческий опыт Михайловского как «квазирелигиозную ментальность» [Блохин, 2019, с. 47]. Поиск правды и самопожертвование составляют ядро секуляризованной веры народнической интеллигенции. Для Михайловского именно «религиозная преданность» народническому делу – реализации социального идеала – не только есть основа интегральной нравственной личности, но и неотъемлемый признак освободительного движения. Михайловский дал определение понятию «религия» в своей мировоззренческой системе: «Под религией я разумею... именно ту неразрывную связь понятий о сущем (наука) и долженствующем быть (мораль и политика в обширном смысле), которая властно и неуклонно направляет деятельность человека» [Михайловский, 1987, с. 124]. Таким образом, эта «религия» интеллигента не требует поклонения старым идолам, но освобождает от них, способствуя только внутренней убежденности и активной деятельности по достижению цели. «Мораль и политика в долженствующем быть» из тезиса Михайловского означают нравственное и политическое освобождение личности от утративших свою актуальность и силу авторитетов, без которого невозможно возникновение другого социального начала.

Отметим, что мыслитель не был воинствующим атеистом, в отличие от многих представителей революционно-демократической и народнической мысли. Антропологические штудии Михайловского привели его к мысли о том, что религия формировала идеалы и цели человеческой жизни, сообщала ей условия целостности личности (единства знания и действия). Эти исторические и социально-психологические особенности религиозного сознания, по идее Михайловского, были полезны и даже необходимы русскому освободительному движению.

Следует отметить, что русское освободительное движение в действительности имело и религиозное измерение. Религиозное диссидентство – одна из основных форм социальной оппозиции. Эта форма протеста стала объектом пристального внимания теоретиков народничества. Зрелый Герцен, совершенно чуждый религиозности и тем более мистики, с интересом и симпатией относился к раскольникам, видя в них силу революционную, протестную. Отмечал он и солидарность старообрядческих общин, идеал, соответствующий русскому общинному крестьянскому социализму.

Старообрядцы, а также разнообразные религиозно-мистические секты по сути представляли форму пассивного социального протеста, выражаясь путем организации свободной и самостоятельной жизни общины. Это парадоксальный стоический бунт, тихий мятеж, заключающийся в автономном пестовании своей суверенности. Революционер-народник и историк раскола А.С. Пругавин так характеризовал аксиологию раскола: «Раскол требует полной личной свободы. Он ненавидит паспорта, прикрепленность к месту и

сословию. Отрицая всякую сословность, он проповедует общее равенство и братство» [Пругавин, 1881, с. 362].

Консервативный народник И.И. Каблиц-Юзов, однако, замечал, что «в расколе главной движущей силой является не религия, а нечто другое» [Юзов, 1881, с. 10]. Это «другое» – экзистенциальное и социальное стремление к освобождению, к духовной и политической свободе.

Заключение

Классификация исторических типов «бунтующего человека», предложенная Михайловским, важна для понимания природы и характера общественно-политического протеста, социально-психологической мотивации народного мятежа. Эту классификацию можно использовать при разработке методологии исследований в области исторической антропологии.

Отметим, что протест общины может быть пассивным и активным, он в равной мере может выражаться в вольнице и в подвижничестве. Активный протест всегда требует некоторой организации, всегда реализуется группой либо большими массами. Даже народническая практика индивидуального террора подготавливалась и реализовывалась членами революционных групп. Без поддержки единомышленников-заговорщиков – материальной и эмоциональной – эта практика была бы невозможной. Сугубо индивидуальный (индивидуалистический) протест может быть только пассивным. Это не борьба за общественные привилегии, это ценностное и идейное отрицание принятой в обществе системы ценностей.

Таким образом, тип подвижника в классификации Михайловского представляет собой фигуру, выражающую народную правду, фигуру протестную, стремящуюся к суверенности, которой удалось избежать нигилистических крайностей. Религиозные обертона, которые придал этому типу мыслитель, следует понимать как необходимые штрихи соответствия делу правды – религиозную преданность идеалу. Тем не менее фигура подвижника не совпадала с идеальным антропологическим типом в творчестве Михайловского. Мыслитель критиковал личности, упдающие в метафизику, в «буддийское» подвижничество, которое равно социальному бездействию. А это бездействие сужает пространство борьбы за индивидуальность и разрушает целостность личности, углубившейся в одну только теорию, чтобы избежать социальной ответственности. В этом и состоит отличие типа подвижника от антропологического идеала Михайловского.

Список литературы

- Арендт Х. 2000. *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб., Алетейя, 437 с.
- Биллингтон Д. 2001. *Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры*. М., Рудомино, 880 с.
- Блохин В.В. 2019. *Жандарм литературной республики. Н.К. Михайловский: жизнь, литература, политическая борьба*. М., Весь Мир, 256 с.
- Виленская Э.С. 1979. *Н.К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX в.* М., Наука, 303 с.
- Герцен А.И. 1955. *Собрание сочинений: в 30 т. Т. 6*. М., Наука, 549 с.
- Костомаров Н.И. 1994. *Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования*. М., Чарли, 638 с.
- Леонтьева О.Б. 2011. *Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв.* Самара, ООО «Книга», 448 с.
- Михайловский Н.К. 1906. *Сочинения: в 6 т. Т. 1*. СПб., Русское богатство, VII с., 970 стб.
- Михайловский Н.К. 1896^а. *Сочинения: в 6 т. Т. 3*. СПб., Русское богатство, 904 стб.
- Михайловский Н.К. 1896^б. *Сочинения: в 6 т. Т. 4*. СПб., Русское богатство, 1020 стб.

- Михайловский Н.К. 1897. Сочинения: в 6 т. Т. 6. СПб.: Русское богатство, 934 стб.
- Морозов Д.А. 2016. Религиозность и религия в русском революционном народничестве и терроризме в 1870–1880-х гг. Вестник Томского государственного университета, 409: 99–103.
- Овсяннико-Куликовский Д.Н. 1909. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. СПб., Прометей, IX, 272 с.
- Пругавин А.С. 1881. Значение сектантства в русской народной жизни. Русская мысль, 1: 301–363.
- Фастовский В.М. 2018. «Это моя вера!» Религиозно-коннотированная лексика в эго-документах народничества конца 1870-х – начала 1880-х годов. Неприкосновенный запас, 1: 52–73.
- Фурман Ф.П. 2010. Философские основания дискурсивно-идеологического комплекса народничества: историко-философский анализ. Нижневартовск, Изд-во Нижневартовского гос. гуманитарного ун-та, 209 с.
- Щапов А.П. 1908. Сочинения: в 3 т. Т. 3: С биографией А.П. Щапова. СПб., Издание М.В. Пирожкова, СІХ, [1], 717, [3] с.
- Эткинд А.М. 1997. Народничество и люкритакс: классики филологии о русских сектах. В кн.: Лотмановский сборник: Вып. 2: 100–123.
- Юзов И. 1881. Русские диссиденты. Староверы и духовные христиане. СПб., Типография А.М. Котомина, 180 с.
- Billington J. 1958. Mikhailovsky and Russian populism. Oxford, Clarendon Press, XVI, 217 p.

References

- Arendt H. 2000. Vita activa, ili O dejatel'noj zhizni [Vita activa or About active life]. St.-Petersburg, Publ. Aleteya, 437 p.
- Billington J. 2001. Ikona i topor. Opyt istolkovaniya istorii russkoj kultury [The Icon and the Axe: An Interpretative History of Russian Culture]. Moscow, Publ. Rudomino, 880 p.
- Blohin V.V. 2019. Zhandarm literaturnoj respubliki. N. K. Mihajlovskij: zhizn', literatura, politicheskaja bor'ba [Gendarme of the literary republic. N. K. Mikhailovsky: life, literature, political struggle]. Moscow, Publ. Ves' Mir, 256 p.
- Vilenskaya E.S. 1979. N.K. Mihajlovskij i ego idejnaja rol' v narodnicheskom dvizhenii 70-h – nachala 80-h godov XIX v. [N.K. Mikhailovsky and his ideological role in the populists movement of the 1970s and early 1980s]. Moscow, Publ. Nauka, 303 p.
- Herzen A.I. 1955. Sobranie sochinenij [Complete works]. In 30 vols. Vol. 6. Moscow, Publ. Nauka, 549 p.
- Kostomarov N.I. 1994. Bunt Sten'ki Razina. Istoricheskie monografii i issledovaniya [Stenki Razin's revolt. Historical monographs and research]. Moscow, Publ. Charli, 638 p.
- Leont'eva O.B. 2011. Istoricheskaja pamjat' i obrazy proshlogo v rossijskoj kul'ture XIX – nachala XX vv. [Historical memory and images of the past in Russian culture of the 19th – early 20th centuries]. Samara, Publ. OOO "Kniga", 448 p.
- Mikhailovsky N.K. 1906. Sochinenija [Works]. In 6 vols. Vol. 1. St.-Petersburg, Publ. Russkoe bogatstvo, VII s., 970 p.
- Mikhailovsky N.K. 1896a. Sochinenija [Works]. In 6 vols. Vol. 3. St.-Petersburg, Russkoe bogatstvo, 904 p.
- Mikhailovsky N.K. 1896b. Sochinenija [Works]. In 6 vols. Vol. 4. St.-Petersburg, Russkoe bogatstvo, 1020 p.
- Mikhailovsky N.K. 1897. Sochinenija [Works]. In 6 vols. Vol. 6. St.-Petersburg, Russkoe bogatstvo, 934 p.
- Morozov D.A. 2016. Religioznost' i religija v russkom revoljucionnom narodnichestve i terrorizme v 1870–1880-h gg. [Religionism and religion in Russian revolutionary folk and terrorism in the 1870s–1880s]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 40: 99–103.
- Ovsyaniko-Kulikovskii D.N. 1909. Sobranie sochinenij [Complete works]. In 9 vols. Vol. 5. St.-Petersburg, Publ. Prometei, IX, 272 p.
- Prugavin A.S. 1881. Znachenie sektantstva v russkoj narodnoj zhizni [The Significance of Sectarianism in Russian Folk Life]. Russkaya mysl', 1: 301–363.
- Fastovskii V.M. 2018. "Jeto moja vera!" Religiozno-konnotirovannaja leksika v jego-dokumentah narodnichestva konca 1870-h – nachala 1880-h godov ["It is my belief!" Religious-connotated vocabulary in ego documents of the folk of the late 1870s and early 1880s]. Neprikosnovennyi zasap, 1: 52–73.

- Furman F.P. 2010. Filosofskie osnovaniya diskursivno-ideologicheskogo kompleksa narodnichestva: istoriko-filosofskij analiz [Philosophical bases of discursive-ideological complex of populism: historical-philosophical analysis]. Nizhnevartovsk, Publ. Nizhnevartovskogo gos. gumanitarnogo un-ta, 209 p.
- Shchapov A.P. 1908. Sochineniya [Complete works]. In 3 vols. Vol. 3. St.-Petersburg, Publ. Izdanie M.V. Pirozhkova, CIX, [1], 717, [3] p.
- Etkind A.M. 1997. Narodnichestvo i ljukrimaks: klassiki filologii o russkih sektah [Populism and lucrimax: classics of philology about Russian sects]. Lotmanovskii sbornik, 2: 100–123.
- Yuzov I. 1881. Russkie dissidenty. Starovery i duhovnye hristiane [Russian dissidents. Starovers and spiritual Christians]. St.-Petersburg, Publ. Tipografija A. M. Kotomina, 180 p.
- Billington J. 1958. Mikhailovsky and Russian populism. Oxford, Clarendon Press, 180 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.07.2022
Поступила после рецензирования 19.10.2022
Принята к публикации 11.05.2022

Received July 19, 2022
Revised October 19, 2022
Accepted May 11, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вязинкин Алексей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры «История и философия», Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksei Y. Viazinkin, Ph.D. in Philosophy, associate professor of the Department «History and Philosophy», Tambov State Technical University, Tambov, Russia

 [ORCID: 0000-0003-3821-6168](https://orcid.org/0000-0003-3821-6168)